
В. Н. БАСИЛОВ

О ТУРКМЕНСКОМ «ПИРЕ» ДОЖДЯ БУРКУТ-БАБА

У туркмен, как и у других народов Средней Азии, ислам не вытеснил полностью прежних религиозных воззрений, и они продолжали существовать наряду или в сочетании с мусульманской идеологией. Как пример доисламских верований можно назвать почитание различных «святых» мест, играющее видную роль в религиозной жизни туркмен, остатки шаманизма, некоторые представления о душе, отдельные элементы похоронного обряда, веру в эффективность разнообразных магических действий и средств для очищения или предохранения людей и скота от болезней, порчи, сглаза и т. п.

Доисламские пережитки, более тесно связанные с народным бытом и традициями, отмирают медленнее, чем догмы и обряды ислама, и до сих пор оказывают влияние на жизнь населения, главным образом сельского. Борьба с ними часто ведется не совсем правильными средствами, и это делает еще более актуальной задачу исследования древних верований, результаты которого должны быть использованы для атеистической пропаганды в Туркменистане.

Настоящая статья представляет собой попытку проанализировать один из образов туркменской мифологии, которая тоже хранит отголоски домусульманских религиозных представлений, — образ Буркут-баба (Буркут-баба).

Буркут-баба, называемый также Буркут-диван, — пир (покровитель, «хозяин») дождя (ягының пири). Туркменская мифология знает и других пиров¹; они представляются туркменам святыми, между которыми Аллах распределил различные обязанности.

По представлениям туркмен Буркут-баба (или просто Буркут) — святой, он живет на небе. От него зависит, пойдет ли дождь. Наиболее выразительно Буркут-баба изображен как «хозяин дождя» в народном рассказе про глухое облако:

«Обычно Буркут-баба собирает все облака и говорит им, кто куда должен пойти, где должен быть дождь. У каждого облака свое место. Как-то один человек по имени Наладж-баба решил посеять пшеницу на каменистом холме (кыр) и для орошения стал строить чигирь, водоподъемное колесо. Буркут-баба, узнав об этом, сказал облакам: „Тот человек у меня помощи не просил, сам хочет достать воду; туда ходить

¹ Вейс-баба (Вейсель-Кара) — пир верблюдов (дүениң пири), Муса-пихамбер — пир баранов (гоюның пири), Дюльдюль-баба (Дюльдюль-ата) — пир лошадей (атың пири), Хайдар-баба (Мир-Хайдар, Ель-Хайдар) — пир ветра (елиң пири), Зэнги-баба — пир коров (сыгырың пири), Баба-Дайхан — пир земледельца (экинң пири). В восточной части Туркмении (ближе к Узбекистану) число пиров увеличивается: Наладж-баба — пир водоподъемных сооружений (жыкырың пири), Сеит-ата — пир охотников (авчының пири) и др.

не надо". А одно облако сидело далеко и не слышало запрета. Гуляя по небу, оно увидело, что кыр сухой, и несколько раз смочило его дождем. Чигирь даже не понадобился. Урожай получился хороший. Буркут-баба потом спрашивал облака: „Кто туда ходил?“ Облако отвечало: „Я“. — „Зачем?“ — „А я не знало, думало, что это мое задание: там дать дождь“.

Поэтому, когда после дождя вскоре небо опять закрывается тучами, пастухи говорят: „Наверное, пришло глухое облако (кыр булут гелди)“².

Старики в юго-западных районах Туркмении приписывают Буркут-баба более непосредственное участие в ниспослании дождя:

«Буркут-баба посылает облака куда-нибудь. Облака не хотят. Тогда он их бьет кнутом. След кнута — молния. Их крики, стоны — гром» (сел. Ходжа-Кала Кызыл-Арватского района). «Буркут-баба бьет кнутом по тучам, гремит гром, и затем идет дождь» (сел. Койне-Касыр) и т. д.

Правда, эти традиционные представления о Буркут-баба сейчас почти исчезли, и часто старики объясняют, как получается дождь, без всяких подробностей: «Буркут-баба — святой человек. Он может просить дождь у бога. Где надо — даст дождь, где не надо — не даст».

Эти представления связаны с соответствующим культом. Обычай просить дождь у Буркут-баба сохранился в некоторых местах Туркменистана вплоть до наших дней. Обряд вызывания дождя был известен, видимо, по всей Туркмении: где-нибудь на бугорке за селением или в степи привязывали «для Буркут-баба» голодного козла или (редко) барана, чтобы тот своими криками побудил Буркута дать дождь. Потом козла всем селением съедали в честь Буркут-баба (Буркудың ёлуна)³. Сейчас вызывание дождя практикуется крайне редко. Вообще в наши дни пир дождя занимает незначительное место в религиозных воззрениях туркмен. Однако Буркут-баба является весьма любопытным осколком туркменских доисламских верований, пока еще почти совершенно не изученных.

Буркут-баба, как мы увидим ниже, — персонаж тюркской мифологии, а остальные пиры, видимо, связаны с исламом или рано исламизированными культурами ираноязычного населения, поэтому о Буркут-баба сохранилось больше рассказов, легенд, которые и дают материал для выяснения происхождения этого мифологического образа.

Эти народные рассказы таят в себе отголоски воззрений глубокой древности. В туркменских преданиях о Буркут-баба имеются, на наш взгляд, пласты, связанные с тотемистическими и шаманистскими представлениями. Мифы о Буркут-баба показывают также, каким образом ислам воспринимал местные верования, немусульманские культы, какими путями проходила исламизация Средней Азии.

Мифы являются ярким примером того, как в религиозных воззрениях народа ислам уживается с доисламскими верованиями, несмотря на их явную противоречивость.

² Записано в 1960 г. в Тахтинском районе Ташаузской области. Подобные рассказы мы дважды слышали и в юго-западных районах Туркменской ССР.

³ Население юго-западных районов Туркмении помнит и другие обряды вызывания дождя, которые связываются им с Буркут-баба. Так, человека обливали водой или толкали его в воду, в воду же опускали череп какого-нибудь животного или бумажку с именами сорока плешивых людей; на соке проросших семян пшеницы готовили пресные лепешки, а пшеничные выжимки бросали в воду; бросали в воду тесто и т. д. Эти обряды — типичные магические операции земледельцев, в той или иной форме встречающиеся у многих земледельческих народов. По всей видимости, они являются отголоском культа растительности (наследие оседлых ираноязычных предков) и впились в культ Буркут-баба поздно, с проникновением туркмен на Копет-Даг.

Эти мифы, собранные автором и С. М. Демидовым в Гасан-Кулийском, Кызыл-Атрекском, Кара-Калинском и Кызыл-Арватском районах Ашхабадской области Туркменской ССР осенью 1958 г.⁴, приводятся ниже. Цифра в скобках после каждой легенды показывает, сколько раз она была записана от разных информаторов.

1. Сулейман-пихамбер⁵ однажды постановил: такой-то парень и такая-то девушка должны пожениться в определенный день. Это услышал Буркут (огромная птица) и сказал: «Не выйдет». Буркут украл эту девушку, посадил ее к себе на спину и улетел в горы (или: на остров). В тех горах протекала река. Как-то упомянутый парень катался по этой реке на лодке и бурей его забросило в горы к девушке. Девушка спрятала парня и сказала Буркуту: «Когда ты летаешь, мне страшно. Сделай сундук, я туда сяду и не буду бояться во время полета». Когда сундук был готов, в него влезли парень и девушка. Буркут с сундуком прилетел к Сулейману: «Ты сказал, что они сегодня поженятся, а я сделал наоборот». Сулейман сказал: «А ну, открой сундук». Сундук открыли, и Буркут был посрамлен. Сулейман сказал: «Если свадьба намечена Аллахом, то никто не может помешать» (3).

2. Буркут-баба построил себе дом в ущелье. Мимо проходил какой-то пророк (чаще всего — Муса — Моисей) и сказал: «Зачем здесь дом построил? Если пойдет дождь, то все смое». «Как может дождь пойти? Я — хозяин дождя», — отвечал Буркут-баба. Тогда пихамбер идет к Аллаху: «Что за порядки? Я думал, что ты хозяин всего на земле, а Буркут говорит, что он хозяин!». Решили проучить Буркута, и начался ливень, силь. Пророк, возвращаясь, видит: Буркут вывесил сушиться одежду, ловит в воде кошмы. Тогда он сказал Буркуту: «Ну как? Ведь ты говорил, что ты хозяин дождя, что дождя не будет?» Буркут-баба ответил: «Много есть на свете сплетников, и ты — один из них» (или: «Если все будут такими сплетниками, как ты, каждый день будет дождь» и т. п.) (12).

3. Однажды Аллах спросил Буркута: «Сможешь сорок дней и ночей стоять на одной ноге»? — «Смогу», сказал Буркут-баба. — «Тогда я дам тебе разрешение делать в аду (доузах) все, что захочешь». Буркут, простояв на одной ноге сорок суток, разнес в щепки одно из отделений ада. Аллах не одобрил: «Теперь тебя люди бояться не будут. — Но я не хочу, чтобы они горели! — Все же другой ад не разрушай, пускай тебя люди бояться; а я их за это не буду жечь в аду» (3).

Вариант: Буркут подарил Аллаху тахья (шапочку), на которой написал 1001 раз имя Аллаха, имена 124 тысяч пихамберов и 360 гаип-оулия⁶. После этого стало на один рай (бегишт) больше — восемь. За это Буркут просил отдать ему все семь доузахов, но Аллах один ад все-таки оставил (1).

4. У Буркута была посланная Аллахом книга даже с такими молитвами (дога), которыми можно оживить умерших. Как-то у Буркута умер друг, и он хотел спасти его. Чтобы предотвратить нарушение установленного им порядка, Аллах послал навстречу ему Джебраиля-Эмина

⁴ См. полевые записи В. Н. Басилова и С. М. Демидова (хранятся на кафедре этнографии МГУ).

⁵ Пихамбер — пророк, Сулейман — Соломон.

⁶ Гаип-оулия — так называется святой (не собственное имя), который по существу в Средней Азии представляется при жизни или после смерти исчез неизвестно куда. Место, где он, по легендам, жил, делал чудеса, ступал или исчез, нередко объявляется верующими святым (оулия) и почитается. Один из таких гаип-оулия — Султан-Уппи: «Сын святого Хяким-ата (его оулия есть на берегу Аму-Дарьи) Султан-Уппи неизвестно куда ушел, исчез, когда был живой. Оулия его нет. Но он помогает, если попросить у него помощи» (записано в Тахтинском р-не Ташаузской обл.).

(Гавриила). Тот встретился с Буркутом на узком мосту через бурную реку: «Куда идешь?— Да друга хочу спасти.— А как это можно сделать?— А вот, книга есть». И Буркут-баба показал книгу. Джебрайль ударил по книге, и она упала в поток. В руках у Буркута осталось только несколько страниц. Те молитвы, которые известны сейчас, и были написаны на этих страницах. А раньше молитв было гораздо больше (1).

5. Одной супружеской чете исполнилось более сорока лет, а они еще не имели детей. Однажды, прогуливаясь, к ним в гости зашел Муса-пихамбер и, узнав о несчастье, обещал попросить у Аллаха для них сына. Аллах ответил решительным отказом, и Муса ушел куда-то далеко, так как ему было неудобно опять идти к тем людям. Как-то к бездетным супругам зашел Буркут-баба: «А почему детей у вас нет?— Да вот, Муса обещал, ничего не вышло.— Ну, я постараюсь». Буркут явился к богу: «Дай им сына». Аллах: «Нет.— Тогда два.— Нет.— Тогда три.— Нет, я же сказал, что они будут бесплодны.— Ах так?»— и Буркут стал разрушать угол воздушного трона Аллаха (эрш).— «Дам!»— закричал Аллах. А Буркут в это время уже просил семь сыновей. И женщина забеременела и родила какую-то бесформенную массу, что-то вроде мешка. Мешок разрезали, и там оказались семь хороших близнецов. Сыновья выросли, поженились. Однажды мимо опять шел Муса-пихамбер: «Откуда у Вас дети?— Буркут дал». Муса направился к Аллаху: «Я просил детей— мне не дал. Значит, Буркут сильнее?» Аллах сказал: «Видишь— высокая скала? Кто из вас перепрыгнет, тот и сильнее». Муса разбежался, но у самой скалы испугался и отошел в сторону. Поэтому бараны пугливые⁷. Буркут сказал: «Что будет, то и будет». Разбежался и перепрыгнул. Аллах закричал «Держите его! Он дивана (сумасшедший)! Еще не то может натворить! Держите его». Приближенные кинулись ловить, успокаивать Буркута. Значит, Буркут-баба сильнее, чем Муса-пихамбер (3).

6. У одного человека умер сын. Пришел Израиль (ангел смерти) забрать его душу. «Оставь,— просил человек,— это у меня единственный сын». Но Израиль взял душу сына. Буркут-баба решил помочь несчастному отцу. Он поднялся в воздух за Израилем и стал его просить оживить сына того человека. Израиль не соглашался, и рассердившийся Буркут разбил у него бутылку, в которой были заключены души семи человек. Души вылетели, и семь человек воскресли, в том числе— сын того человека. Израиль пошел жаловаться Аллаху.

«Он сумасшедший,— сказал Аллах.— Если он просил воскресить одного, надо было уступить. Скажи спасибо, что дело обошлось только семью душами, а то могло бы попасть и тебе» (1).

Вот основные мифы о Буркут-баба⁸.

В этих мифах ярко проступает неисламский характер культа Буркут-баба. Буркут-баба противопоставляет себя Аллаху (или пророкам-пихамберам): он игнорирует Аллаха, признавая «хозяином» дождя только самого себя (миф 2), он оживляет людей (мифы 4, 6) и дает бездетным супругам детей (миф 5) вопреки воле Аллаха, зачастую добиваясь успеха силой. Мифы отражают борьбу ислама с этим культом. Создается впечатление, что некоторые из них были специально придуманы мусульманскими миссионерами для того, чтобы выставить Буркут-баба в смешном виде, унижить его перед всемогущим Аллахом. Таков, например, самый распространенный рассказ о постройке Буркутом

⁷ Как упоминалось, Муса-пихамбер считается пиром баранов.

⁸ В юго-западных районах Туркмении были записаны и другие легенды, но они не помогают выяснить первоначальную роль Буркут-баба.

дома в ущелье: Буркут-баба предстает здесь перед нами глупым и зазнавшимся, претендующим на роль единственного «хозяина» дождя, не сознающим, насколько он ничтожен перед Аллахом; поставить его на свое место Аллаху не составляет никакого труда. Но Буркут-баба, выступая против Аллаха и его пророков, не всегда терпит поражение (миф 6); вероятно, от древности мифа зависит, побеждает Буркут-баба или побежден.

В ряде легенд отразился и более поздний этап взаимоотношений культа Буркут-баба с исламом: признание Буркут-баба мусульманским святым, верным помощником Аллаха. Так, в одном из вариантов легенды о постройке дома в ущелье говорится, что построил дом некий неверный еврей, Буркут же сам ходил к Аллаху доносить на него (7 запись) или же по заданию Аллаха послал дождь (1 запись). Процесс ассимиляции мусульманством популярного божества туркмен виден и в одном из вариантов мифа 1 (о споре Буркут-баба с Сулейманом), по которому Сулейман и Буркут, чтобы проверить правильность предопределения Аллаха, бросили юношу в сундуке в море, в то время как девушку унесла рыба. Потом они поймали сундук и обнаружили там юношу вместе с девушкой (1 запись). Здесь ослаблена идея противопоставления Буркута Аллаху и пророкам; Буркут-баба действует заодно с Сулейманом. Несомненно, на том же этапе приспособления культа Буркут-баба к исламу окончательно сформировался миф о том, что Аллах разрешил Буркут-баба распоряжаться в аду.

Некоторые варианты мифов показывают дальнейшую судьбу Буркут-баба: постепенное ограничение его роли в народных верованиях под воздействием мусульманской идеологии. Так, скептическое отношение к силе святого обнаруживает рассказ, наверняка прошедший через редакцию духовенства, по которому у Буркут-баба не хватило сил простоять на одной ноге 40 суток, как предложил ему Аллах, чтобы дать ему право распределять людей в ад или рай; это право принадлежит только Мухаммеду (1 запись).

Стадии изменения образа Буркут-баба трудно уложить в определенные хронологические рамки; этот процесс мог продолжаться вплоть до наших дней.

Итак, в результате исламизации Буркут-баба (или Буркут-дивана) превратился в мусульманского святого (юродивого), которому Аллах дал способность управлять дождем. Но в легендах о Буркут-баба, полных конфликтов между ним и Аллахом (или пихамберами), частично сохранился прежний облик Буркута: его дерзость, грубость, смелость подчеркивают его могущество и силу даже в тех случаях, когда он остается в дураках. Легенды не лишают его независимости и тогда, когда Буркут-баба показан приближенным Аллаха. Мифы дошли до нас сильно искаженными под влиянием ислама, но в них сохранились, более или менее отчетливо, следы древних представлений.

Буркут-баба имеет власть не только над дождем, но и над загробным миром. Он облегчает участь узников ада, он оживляет покойников и способствует появлению на свет новых людей.

Это последнее свойство Буркута настойчиво выступает в нескольких мифах о нем с разными сюжетами. Если он захочет, человек родится даже вопреки намерениям Аллаха.

В некоторых легендах Буркут-баба имеет, по-видимому, черты птицы: он поднимается в воздух за ангелом смерти; по народным воззрениям, он, единственный среди всех других пиров, живет на небе. Та подробность (миф 5), что Буркут перепрыгивает через высокую гору, тоже, быть может, указывает на первоначальное значение этого образа. Самое его имя — Буркут — означает беркут, орел.

Эти детали придают особый интерес роли Буркута как покровителя деторождения и загробного существования (что в принципе одно и то же — это видно и из легенд). В мифах о Буркуте — патроне деторождения — содержится следующая основная идея: «Буркут-баба — покровитель людей. Человек рождается (не умирает, воскресает) по его воле», что, вероятно, является модификацией такого представления: «Буркут (птица) — наш отец. Мы все рождаемся по его воле, он распоряжается нашими душами». Это представление естественно рассматривать как пережиток веры в реинкарнацию — способность воплощения членов рода в тотем и обратно — неотъемлемый элемент тотемистического мировоззрения. Таким образом, появляются какие-то основания видеть в Буркут-баба черты тотема⁹.

Этот вывод был бы слишком предположительным, если бы не другие сведения, поддерживающие возможность подобного заключения. Рашид-ад-дин (XIV в.) наряду с подробным списком всех огузских племен с указанием их тамг и части туши, получаемой на общественных пирах, приводит также и название онгона (тотема, как это выяснил еще А. Н. Максимов¹⁰) каждого племени. Вот эти племенные онгоны.

У племен Қайи, Баят, Ал-караули и Қара-уйли — белый сокол. У племен Язер, Дукер, Дордирга и Япарлы — орел. У племен Аушар, Қызык, Бек-Дели и Каркын — охотничий орел за зайцами. У племен Бояндур, Бичинэ, Джаулдур и Чибни — кречет. У племен Салор, Имур, Алаюнтли и Уркиз — «уч» (козел?). У племен Бекдир, Букдуз, Йива и Қынык — копчик¹¹.

Из этого списка видно, что у некоторых племенных групп огузов тотемами были орлы¹².

Автору не удалось обнаружить следов почитания орла у туркмен; однако известно, что отголоски тотемистических верований, связанных с этой птицей, сохранились у многих других тюркских народов. Так, каракалпаки подвешивают высушенный трупик беркута в юрте, чтобы бесплодная женщина родила ребенка, или на шесте посреди поля, чтобы обеспечить хороший урожай¹³.

У узбеков «помощниками, покровителями порхана считались также птицы: беркут, степной орел — «кара-куш», ворона — «карга», сизоворонка — «кок-карга»¹⁴.

Киргизы считают, что «главными врагами злых духов „шайтана“ и „албарсты“ являются „беркут“ (орел), „аю“ (медведь) и „уку“ (филин).

⁹ У племен Эрсари имеется родовое название «Буркут» тотемного, как считает С. П. Толстов, происхождения (см. С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, М.—Л., 1935, стр. 6).

¹⁰ А. Н. Максимов, К вопросу о тотемизме у народов Сибири, «Уч. зап. РАНИОН», т. VII, 1928, стр. 8—10.

¹¹ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 87—90.

¹² В. Г. Мошкова установила, что племенные гбли (узоры) на туркменских коврах имеют следы когда-то реалистических изображений птиц (а также животных и растений); по ее мнению, первоначальный смысл гбля — фиксация тотема того или иного племени. Примитивные изображения орлов на коврах, по-видимому, малоазнатских по происхождению (по двум картинам XIV в.), В. Г. Мошкова считает гблями каких-то огузских племен с воспроизведением их тотемов (см. В. Г. Мошкова, Племенные «гбли» в туркменских коврах, «Сов. этнография», 1946, № 1).

¹³ Как любезно сообщили Т. А. Жданко и Х. Есбергенов.

¹⁴ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской экспедиции 1945—1948», т. I, М., 1952, стр. 413. Племя, носившее название «Буркут», вошло в состав узбекского народа; оно упоминается в связи с событиями XV в. (см. А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Труды АН ТаджССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 24).

Поэтому шаманы украшали себя медвежьей лапой, орлиными когтями и перьями филина»¹⁵.

У казахов баксы «иногда... стремятся запугать шайтана беркутом или совой, которых-де боится шайтан»¹⁶. Приступая к лечению пациента, баксы после обращения к святым за помощью призывают джинов по их именам; один из них — Кара-гус¹⁷ (так называется орел-могильник¹⁸).

«Орел — типичный тотем у якутов. Род, считающий своим тотемом (тангара — покровитель) орла, называется... происшедший от орла... Когда у бесплодной женщины, после молитвы орлу о детях, рождаются дети, то такие дети считаются действительно рожденными от орла... Как тотем орел неприкосновенен: убивать его великий грех» и т. д. «Орел — родоначальник и творец шаманов»¹⁹.

В верованиях качинцев орел выступает в роли родоначальника шаманов и в то же время в роли тотемного животного, эпонима и покровителя определенного рода. Белый дух, выбирающий шаманов, — родовый дух исключительно рода «Бүрүт» (беркута). У телеутов также есть род, носящий тотемное название беркут (меркет)²⁰. Некоторые родовые группы их считают себя происшедшими от беркута, от орла с белой головой²¹. Телеуты называют орла птицей хозяина неба; он рассматривается как неперемный спутник и помощник шамана²².

Подобные представления мы встречаем не только у тюрков, но и у многих народов Сибири. У бурят «личность орла-беркута считается священной и неприкосновенной как потомка легендарного Эжина (хозяина) о. Ольхона... и его жены..., которые, не имея сыновей, усыновили трех беркутов»²³. У бурят же существует легенда об орле как о первом шамане. Потом, вступив в связь с одной женщиной, он передал свои свойства и знания ребенку, который стал первым шаманом из людей. «У тунгусских шаманов в Забайкалье на Борзе, бурбут, белоголовый орел — хранитель и покровитель шамана»²⁴ и т. д.

Все эти пережиточные тотемистические верования тесно связаны с шаманизмом — «духи — помощники шаманов, имеющие, как правило, животную форму, являются трансформировавшимися тотемами»²⁵; орел считается покровителем или родоначальником шаманов.

В расказах о Буркут-баба есть, как будто, какие-то указания на связь его с шаманизмом. Святого часто называют «Буркут-дивана»²⁶ (сумас-

¹⁵ С. Ильясов, Пережитки шаманизма у киргизов, Труды Института истории, языка и литературы Киргиз. ФАН СССР, 1944, вып. 1, стр. 182. Ноги и перья беркута являются принадлежностями и алтайских шаманов, которых беркут, как и сокол, невидимо несет к их духу. См. А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, Л., 1924, стр. 45—46.

¹⁶ Н. К. Белиловский, Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Средней Азии, «Живая старина», вып. III и IV, СПб., 1894, стр. 386.

¹⁷ А. Диваев, Баксы как лекарь и колдун, «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XV, вып. 3, Казань, 1899, стр. 314.

¹⁸ Д. Н. Кашкаров, Животные Туркестана, Ташкент, 1931, стр. 298.

¹⁹ Л. Я. Штернберг, Культ орла у сибирских народов, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 115.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 122.

²¹ А. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934, стр. 34.

²² Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 122.

²³ Там же, стр. 120.

²⁴ Там же, стр. 121. «Буркут» — название одного из племенных подразделений у монголов (см. Абулгази, Родословное дерево тюрков, Казань, 1906, стр. 52).

²⁵ Д. Е. Хайтун, Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана, «Уч. зап. Таджикского гос. университета», т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 93.

²⁶ «Дивана» на юго-западе Туркменской ССР название профессионального танцора, диким танцем открывающего «зыкыр» (арабск. радение; сейчас «зыкыр» теряет религиозное содержание и приобретает значение общественного праздника). См. А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961, стр. 142—145.

шедший), а его скандальный и буйный характер подчеркивается почти в каждой легенде. Вероятно, эти свойства Буркута являются отражением шаманской практики. Следы власти Буркут-баба над душами, над загробным миром, его влияние на рождение людей находят прямую параллель в представлениях о способностях и возможностях шамана.

Шаманские черты более явно выступают у Буркут-баба в его казахском и узбекском вариантах (сходство легенд о казахском святом Шайхы-Борх-дивана и об узбекско-таджикском святом Дивана-и-Бурх с мифами о Буркут-баба позволяет думать, что эти три святых являются разновидностью одного и того же образа²⁷). Так, казахский баксы, обращаясь в начале сеанса к различным святым, просит помощи и у Шайхы-Борх-дивана²⁸. В узбекской легенде Бурх совершал «радение так громко, что от его возгласов „хо, ху“ дрожали земля и небо»²⁹.

Шаманские черты Буркут-баба становятся очевидными при сопоставлении мифов о нем с бурятскими легендами о первом шамане. Приведем для примера две легенды.

1. Первым бурятским шаманом был Моргон-Хара, обладавший сверхъестественной силой. Он не позволял злым духам ловить человеческую душу и отпирать ее в ад. Злой дух пожаловался на Моргон-Хара Эсэгэ-Малан-Тэнгэри — богу (отцу) неба, сказав, что шаман не дает овладеть ни одной душой и этим самым нарушает волю бога, приказавшего злым духам ловить души. Бог захотел это проверить. Он взял душу одного человека, поместил в бутылку и закрыл отверстие большим пальцем. Человек заболел, его родственники послали за шаманом. Моргон-Хара шаманил, искал душу и, наконец, обнаружил ее в бутылке. Он превратился в осу, ужалил бога в лоб; тот ударил себя рукой по лбу, а шаман в это время освободил душу больного и стал спускаться на землю. За это бог лишил прежней силы его и всех шаманов, бывших после Моргон-Хара.

2. Первым шаманом был обладавший сверхъестественной силой Бехли-Хара. Один бездетный богатый человек попросил шамана помочь ему. Бехли-Хара начал шаманить и сам создал ему сына. Только боги имели право создавать человека, поэтому бог Эсэгэ-Малан, узнав о мальчике, приказал принести ему его душу и спрятал ее в бутылку. Мальчик захворал, вылечить его позвали Бехли-Хара, который, обратившись в осу, ужалил бога в лоб и освободил душу мальчика. Бог рассердился, взял его шаманскую книгу, разорвал ее и бросил, а также рассек на части его бубен, отчего уменьшилась сила у Бехли-Хара и у всех бывших после него шаманов³⁰.

Туркменские и бурятские легенды обнаруживают поразительное сходство сюжетов, образов и представлений. Констатируя близость образов (и даже их имен — Буркут — Моргон — Бехли), мы можем говорить если не о тождественности их, то, во всяком случае, о генети-

²⁷ Так, о Шайхы-Борх-дивана рассказывается, что он, стоя на одной ноге 40 дней, молил бога, чтобы тот уничтожил свои семь адов, и т. д. (см. А. Диваев, Указ. раб., стр. 313). Подобную легенду о Бурхе записал Г. П. Снесарев в 1954 г. от шейха мазара Дивана-и-Бурха, расположенного недалеко от Куня-Ургенча (ср. миф 3 о Буркут-баба). Другая легенда о Бурхе повторяет туркменский миф 5: в ней рассказывается о том, как Бурх заставил Аллаха дать бездетному купцу детей (О. А. Сухарева, Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960, стр. 45—46).

²⁸ А. Диваев, Указ. раб., стр. 313.

²⁹ О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 46.

³⁰ «Первый бурятский шаман — Морган-Хара» и «Первый шаман Бехли-Хара» (вариант легенды о первом шамане у кудинских бурят...) (Г. Потанин?), «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества». Иркутск, т. XI, 1886, № 1-2, стр. 87—90.

ческом родстве, об их принадлежности к одному и тому же кругу верований.

Как уже говорилось, у бурят сохранились пережитки культа орла; по повериям бурят, первым шаманом был орел; очевидно, образ Буркут-баба создан в результате видоизменения верований, подобных представлениям ряда сибирских народов об орле.

Культ орла известен большой группе народов как Европы, так и Азии. Его «мы находим, с одной стороны, у представителей всех урало-алтайских народностей: маньчжуров, тунгусов, монголо-бурят, тюрков и финнов... С другой стороны, ...у народов средиземноморской культуры (в обширном смысле этого слова), начиная с индийцев, иранцев, семитов, греков, римлян и, наконец, у германцев»³¹.

Всем этим народам и народностям свойствен в принципе следующий комплекс представлений об орле: орел — творец, повелитель и возродитель природы, богов и людей, он приносит огонь; орел — первоучитель и покровитель шаманства, а также обитатель мирового дерева (тотемическое значение орла с уверенностью констатировано пока в немногих случаях). Нахождение ряда деталей и особенностей почитания орла у многих из перечисленных народов, даже отдаленных друг от друга, может быть объяснено, по мнению Л. Я. Штернберга, тесным общением их в далеком прошлом³². Такое объяснение совпадения определенных деталей культа орла у народов разных языковых семей весьма спорно. Однако критика или дальнейшее обоснование этой точки зрения не входят в нашу задачу.

Характер древних верований, следы которых хранят легенды о пире дождя, показывают принадлежность образа Буркут-баба к комплексу культа орла. Современная роль Буркут-баба («хозяин» дождя, воды — необходимого условия жизни) могла явиться отголоском значения орла как повелителя природы.

Особенности исторического развития сказались на своеобразии почитания орла (главным образом пережитков его, часто сильно преобразованных) у каждого народа; таким образом, воззрения сибирских народов на орла заметно отличаются от верований, которые остались от первоначального комплекса у иранцев. Закономерен вопрос: не повлияли ли на формирование образа Буркут-баба, по-видимому, принесенного с Востока тюркоязычными предками туркмен, иранские представления об орле, мифы, связанные с орлом?

Мы не видим сколько-нибудь существенных следов иранского влияния в образе Буркут-баба; лишь один миф (№ 1) кажется нам не оригинальным. Во всех рассказах Буркут-баба предстает перед нами человеком, и можно усмотреть лишь сомнительные косвенные указания на его первоначальный облик птицы; только в мифе 1 Буркут-баба имеет явные черты птицы. Эта деталь могла бы сделать более убедительным предположение о когда-то тотемическом значении Буркута, но мы намеренно не включаем ее в анализ. Дело в том, что этот миф, записанный в приатретских степях у ёмутов, гёклены и нохурли на Копет-Даге рассказывают иначе. Крадет девушку не Буркут, а Симрух-гуш, птица Симрух (Симорг — чудесная птица иранских мифов и преданий, живущая в горах Эльборз), а над ней одерживает верх Али. По всей вероятности, миф 1 заимствован туркменами и приспособлен к Буркут-баба. Огромное дерево, на которое уносит девушку Симрух (мировое дерево комплекса культа орла, неизвестное легендам о

³¹ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 125.

³² Там же, стр. 113.

Буркут-баба в их современном виде), было заменено горами. Заимствование мифа объясняется, видимо, тем, что в нем ярко выражена идея, которую мусульманское духовенство стремилось утвердить в мифах о Буркут-баба: Аллах превосходит всех своим могуществом.

* * *

Изложенный материал дает возможность составить некоторое представление о корнях и эволюции образа Буркут-баба. Туркменские мифы сохранили слабые следы тотемического мировоззрения, и в тотемическом происхождении Буркут-баба нас убеждает, главным образом, сходство мифов о нем с бурятскими легендами, роднящими образ Буркут-баба с воззрениями на орла многих сибирских народностей, в которых тотемические черты выражены достаточно отчетливо. Близкое сходство легенд о бурятском первом шамане и о Буркут-баба означает, что тюрками — предками туркмен — с Востока в Среднюю Азию был принесен культ уже антропоморфного Буркута (с развитием шаманства тотем превратился в птицу — покровителя шаманов, птица была переосмыслена как человек — патрон шаманов или первый шаман). Впоследствии связь Буркут-баба с шаманством была утрачена (полностью или частично — это покажет дальнейшее изучение вопроса), сохранившись, однако, в мифах.

Трудно сказать, что представлял собой культ Буркут-баба ко времени появления в Туркмении ислама. По туркменским мифам, например, потеря Буркутом власти над загробным миром представляется результатом исламизации, но тот же сюжет в бурятских легендах (первый шаман тоже теряет свою силу) позволяет предполагать в мотиве борьбы Буркут-баба с верховным божеством более древний пласт. Возможно, что прежде в туркменских мифах, как и в бурятских, первый шаман вступал в конфликт с богом неба (в туркменском языке сохранилось слово «таңры», означающее «бог»), которого затем легко заменил Аллах. С этой заменой мотив конфликта в легендах усилился в результате конкуренции ислама с культом Буркут-баба и ослабел как только ислам утвердился, а древние верования утратили былую роль.

Несомненно одно: Буркут-баба был популярным божеством язычников-туркмен; и культ его вызвал сильное беспокойство у мусульманских миссионеров (антагонизм двух систем верований отображен в мифах как антагонизм между Буркут-баба и Аллахом или пророками). Борьба ислама с домусульманским культом в легендах показана очень выразительно. В известных нам мифах, варианты которых отражают стадийные различия, зафиксированы, на наш взгляд, следующие этапы этой борьбы:

1. Начало столкновения ислама с культом Буркут-баба (в мифах Буркут-баба побеждает).

2. Ислам основательно проник в Туркменистан. Буркут-баба еще успешно соперничает с Аллахом, иначе бы не было смысла создавать легенды, специально предназначенные для осмеяния и унижения Буркут-баба. Мифы, демонстрирующие Буркут-баба неудачником, являются следами стараний духовенства уничтожить чуждый исламу культ.

3. Ислам окончательно победил. Ликвидировать Буркут-баба не удалось, но он оттеснен на задний план и уже не представляет какой-либо опасности для мусульманства, хотя еще почитается народом. В этих условиях Буркут-баба был сделан мусульманским святым, из противников Аллаха был переведен в его свиту.

Ассимиляцию культа Буркут-баба исламом следует понимать не как обдуманное мероприятие духовенства, а скорее как стихийный про-

цесс. По мере распространения ислама туркмены замечали противоречия между прежними представлениями о Буркут-баба и учением о едином Аллахе и пытались избавиться от этих противоречий, придать какую-то стройность своему мировоззрению. Но, конечно, Буркут-баба был помещен в сонм мусульманских святых не без деятельного участия духовенства.

Пиром дождя Буркут-баба показан лишь в одной мифе, не имеющем следов ранних пластов (№ 2). Вероятно, это его амплуа определено сравнительно недавно, быть может, только в период исламизации, в том смысле, что власть над дождем — одна из древнейших черт образа Буркут-баба (беркута) — стала основной и единственной характеристикой его тогда, когда Буркут-баба был лишен всех других, более основательных признаков его мощи. Функция «хозяина» дождя — остаток прежней власти Буркут-баба над природой, над обновлением ее, над жизнью — теснее всего была связана с практикой скотоводов степей и песков Туркмении, почему и сохранилась вплоть до наших дней. Эта узко специальная функция оставляет Буркут-баба незначительную и зависимую от Аллаха роль в религиозных представлениях народа о силах природы, и здесь оказался возможным компромисс между исламом и древним туркменским культом.

Анализ образа пира дождя, сейчас почти забытого населением, несомненно, представляет интерес не только в аспекте изучения вопросов истории религиозных верований туркмен и в какой-то степени их этногенеза. Научное объяснение происхождения народных верований является одним из методов антирелигиозной пропаганды. Историко-этнографическое изучение народных верований, дающее конкретный материал для атеистической пропаганды, особенно важно в наши дни, когда доисламские верования выступают в мировоззрении верующих на первый план. Доисламские представления и обычаи, коренящиеся в семейном быту, наименее доступном для вторжения нового (поддерживаемые главным образом женщинами, чья жизнь под влиянием пережитков феодально-байского отношения к ним нередко еще замыкается в семейном кругу), наиболее упорно сопротивляются натиску атеизма. На это обстоятельство в пропагандистской работе, основным содержанием которой является критика официального ислама, до сих пор не обращалось должного внимания.

SUMMARY

The article deals with the myths about Burkut-baba, the Turkmenian «saint», considered to be the «pir» (master) of rain. Close examination of the myths shows that the starting point in the emergence of the figure of Burkut-baba was the eagle totem. The links between totemistic beliefs and shamanism stipulated the evolution of concepts, which invested the eagle, initially the patron of shamans, with human shape as the first of the shamans. At a certain stage of the evolution of Burkut-baba into a deity of the Turkmenian pagan pantheon, his connection with shamanism was severed. The islamization of the Turkmenians which took place in the course of a struggle waged by the Muslim clergy against the cult of Burkut-baba, transformed the latter into a Muslim «saint», who retained only his function of the «pir» of rain. At the present time the master of rain and his cult are of minor importance in the religious beliefs of the Turkmenians.